

**Эмотивная лакунарность художественной прозы
(на материале романа М.А. Шолохова «Тихий Дон»)**

Целью настоящего исследования является выявление культурологических и лингвистических эмотивных лакун в тексте перевода, осуществление оценки их влияния на восприятие текста перевода иноязычным читателем.

В ходе исследования анализу подвергались текст романа М.А. Шолохова «Тихий Дон» (ИТ) и текст перевода (ТП) на английский язык, осуществленный Робертом Даглишем (Robert Daglish), на предмет нахождения в последнем функционирующих (неэлиминированных) эмотивных лакун и оценки их возможного влияния на понимание иноязычного читателя.

Приведем несколько примеров. Подчас жители других государств, а иногда и самой России в понятие «казак» вкладывают значение «русский», что, конечно, является неверным. По крайней мере, противопоставление самих казаков и остальной России отчетливо проглядывается на протяжении всего романа. Для казаков отличить русского человека (а себя русскими казаки не считали категорически) от донца всегда было достаточно просто: язык (четкое и резкое произношение согласных звуков у русских), внешний вид (отсутствие чуба, совсем другая одежда у русских); походка и манеры прирожденных наездников, осанка и многое другое.

Однако основным отличием было то, что казаки были свободными, имели относительную автономность, были воинами (т.е. оружие было неотъемлемой частью их быта и жизни) и вольными хлеборобами. Именно по этой причине для донских казаков вся остальная страна была серой, безликой массой, для которой казаки придумали немало эпитетов: *мужицкий лапоть, Гаврила, рвань тамбовская, Ванек, мужик, воронежский яичник*. А объединяющим словом было слово *Русь*, вобравшее в себя все то, что презирали в русском мужике-крестьянине донские казаки.

В следующем эпизоде слово *Русь* используется дедом Гришакой для негативной, возможно даже презрительной характеристики русских крестьян, воевавших на стороне Красной Армии.

«...Человек надьсь ехал с Воронежа, купец, знакомец Сергея Платоныча Мохова, аль сродствие ему какое доводится, – не знаю. Ну, так вот, ехал и гутарит, что на Чертковой стоит чужая войска – болшаки эти самы. *Русь* на нас войной идет, а вы – по домам? И ты, поганец, слышь, Митька? Ты-то чего молчишь? Чего вы думаете?» [1: 67].

Отметим, что справочная литература, не выдавая значения слова *Русь*, делает сноски на другие статьи, где оно соотносится со временами Древней Руси, либо почти с однозначно отрицательной коннотацией: прил., по знач., связанное со старой, отсталой, некультурной деревней в царской России (книжн.); сермяжная, лапотная, нищая Русь [2].

Это подтверждается последующей репликой того же деда Гришаки.

«...Вас, как куропатей, в осилки возьмут! Вот заполонят вас *мушкетеры*, набьют вам сопелки...» [1: 67].

Переводчиком было принято решение использовать слово *Russia*, которое, однако, не характеризуется каким-либо оценочным компонентом, т.е. не учитывает особенности функционирования слов *Русь* и *Россия* в культурном пространстве донских казаков, что приводит к изменению смысла высказывания в отдельности и эпизода в целом.

‘...A man’s just been here from Voronezh, a merchant. Some acquaintance of Seregei Platonovich Mokhov, or mebbe some relative of his – I don’t know. Well, anyway, he says there’s foreign troops at Chertkovo – these Bolshaks as they’re called. Will you stay at home while *Russia* makes on us? And you, you ragamuffin... Mitka, d’you hear me? Have ye nothing to say? What are ye thinking of [3: 58]’?

Отметим тот факт, что некоторые единицы, наряду с макрокомпонентом «отрицательно», «презрительно», «с ненавистью» в определенном контексте имели в своем составе компоненты «уважительно». Например:

«...Не верили казаки и сведениям об успехах «кадетов» в Сибири и на Кубани. Больно беззастенчиво и нагло врал «Верхне-Донской край». Охваткин – большерукий, огромного роста казак, прочитав статью о чехословацком мятеже, заявил в присутствии Григория:

- Вот придавят чеха, а потом как жмякнут на нас всю армию, какая под ним была, – и потекет из нас мокрая жижа... Одно слово – Расея! – И грозно закончил: – Шутишь, что ли» [1: 96]?

‘...Nor did the Cossacks believe the reports of the successes of the ‘Cadets’ in Siberia and on the Kuban. The newspaper’s lies were too blatant. When Okhvatkin, a tall, burly Cossack, read an article about the mutiny of Czechoslovak troops, he declared in Grigory’s presence, ‘They’ll squash the Czechs first, then they’ll have their whole army to smush us with and we’ll be for it! We’ll have all the muzhiks in Mother Russia against us!’ And he concluded ominously, ‘Some joke, eh [3: 88]!’

Следующий пример.

«...Наутро часть полка выступила из хутора. Григорий ехал в уверенности, что он пристыдил отца и тот уедет ни с чем. А Пантелей Прокофьевич, проводив казаков, хозяином пошел в амбар, поснимал с

поветки хомуты и шлейки, понес к своей бричке. Следом за ним шла хозяйка, с лицом, залитым слезами, кричала, цепляясь за плечи:

- *Батюшка! Родимый!* Греха не боишься! За что сирот обижаешь? Отдай хомуты! Отдай, ради господ бога [1: 167]!»

Вначале сопоставим значения транслем. *Родимый*: родной, милый, любезный (в обращении) (прост.); свой, родной (нар.– поэт., разг.); употр. как ласковое обращение в знач. родной, милый, любезный (обл.) [4: 56].

Батюшка – почтительно и ласкательно, привет всякому стороннему человеку; в выражениях же: батя; батюшка – то же, что отец (устар.); фамильярное или дружеское обращение к нему [4: 87]; отец (с оттенком почтительности; устар.); вообще форма ласково-фамильярного обращения к собеседнику; то же, что батенька (простореч. устар.) [3].

При анализе в первую очередь отмечаем наличие: а) помет «просторечный», «народнопоэтический», «разговорный» в значении слова родимый; б) помет «устаревший», «просторечный» в значении единицы «отец». Очень большое значение имеет форма обращения, так как вместе с фактическим положением вещей она определяет истинное положение вещей и положение участников коммуникации. Т.е. хозяйка собственного дома (женщина отнюдь не молодая) использует обращения (*батюшка, родимый*), принятые в отношении близких, родных людей, должны, по ее мнению, разжалобить, вызвать сострадание Пантелея Прокофьевича. Старший Мелехов забирает из ее дома хомуты и шлейки, т.е. то, без чего вести казацкое хозяйство нельзя, а выменять или купить их в военное время просто невозможно. Своим поступком он обрекает семью на возможную смерть, и подобная эмоциональная реакция хозяйки на неприкрытое мародерство легко объяснима.

‘...The next morning when part of the regiment left the village, Grigory rode away confident that he had shamed his father into abandoning his plans for loot. But as soon as he had seen the Cossacks off, Pantelei marched into the barn as if he owned it, lifted the horse collars and breach-bands down from their pegs and carried them out to his wagon. He was followed by the mistress of the house, her face streaming with tears as she screamed and clung to his shoulders.

‘What are doing! Have a heart! Don’t you fear God’s punishment! How can you treat orphans so? Give back the collars! Give them back, for God’s sake! [3: 203]’

В ТП обращения трансформированы в восклицательные предложения, использование которых не учитывает специфику речевого этикета донских казаков в целом и особенность ситуации в отдельности.

Местные реалии в виде наименований, прозвищ народов или каких-либо групп достаточно часто используются в качестве метонимии. Например.

«...Лазарев со своим отрядом и немногочисленные казачьи части пытались заслонить отступавших: пехота цепью легла за ветряком, 36-я Каргинская батарея под командой каргинца, есаула Федора Попова, обстреляла беглым огнем наступавших красных, но вскоре взялась на передки. А пехоту красная конница обошла с хутора Латышева и, прижучив в ярах, изрубила человек двадцать каргинских стариков, в насмешку окрещенных кем-то «гайдамаками» [1: 345].

Для нас интерес представляют эмотивная транслема «гайдамак» и ее переводческий адекват. При сравнительном анализе логико-предметного значения отмечаем достаточно сильные различия, сравним: «гайдамак» – 1. легкий воин, ратник; гайдамака – вольница, разбойник, грабитель [5]; 2. гайдамак – на Правобережной Украине в XVIII в. участник народно-освободительного движения против польских помещиков; 3. в XVII и XVIII вв. – украинский казак-повстанец, участник борьбы против поляков [2]; участник народно-освободительного движения на Правобережной Украине, направленного главным образом против национально-религиозного гнёта [6]. Также отметим этимологию данного слова: южн., через укр. гайдамака заимств. из тур. *hajdamak* «грабитель» [7].

Рассмотрим трансформацию: *shock troops*: n. troops specially trained for violent assaults; soldiers chosen and trained for use in sudden forceful attacking; troops especially selected and trained [8]. При рассмотрении отмечаем, что в значении транслемы на логико-предметном уровне в переводческой замене отсутствуют микрокомпоненты «легкий», «вольница», «разбойник», «грабитель», «повстанец». На уровне эмотивной коннотации в ТП нет компонентов «свободный», «смелый», «лихой», «бесшабашный», (напр. «гай» 1. шум, гиканье). Метафорическое употребление слов «гайдамак», «гайдамачить» довольно часто имеет место на страницах романа, например:

«...От городского сада, прибитые дождем, шершавые катились листья, и, налетая с Украины, с Луганска, *гайдамачил* над станицей час от часу крепчавший ветер» [1: 456].

Наличие именно данных компонентов транслемы «гайдамак», употребленной в отношении стариков и выражающей иронию и насмешку, определяет комический эффект предложения, который полностью отсутствует в ТП.

‘...Lazarev’s Chechens and a few Cossack units tried to cover the retreat. A line of infantry took up its positions beyond the windmill and the 36th Kar-

ginskaya Battery, commanded by a Karginskaya man, Major Fyodor Popov, bombarded the advancing Red forces but soon hitched up its guns. Attacking from the village of Latyshevo, Red cavalry outflanked the defending infantry and drove them into the ravines, where they cut down about twenty old men, whom someone flippantly dubbed '*shock troops*' [3: 367].

Сохранение в тексте перевода единиц национально-культурного континуума должно способствовать сохранению в большей части духа произведения, тех целей, к которым стремится автор оригинала. В определенных моментах оно не является целесообразным, однако в некоторых ситуациях воспроизведение подобных единиц следует признать необходимым, как, например, в следующем случае.

«... Добрались до последних времен. Доступно и зло безвестный автор высмеивал скудную казачью жизнь, издевался над порядками и управлением, над царской властью и над самим казачеством, нанявшимся к монархам в *опричники*» [1: 458].

Переводчиком было принято решение, как, впрочем, и во многих других подобных случаях, отказаться от заполнения в пользу компенсации: в ТП существительное *опричники* было заменено на словосочетание *punitive troops*. Данное решение является не самым удачным, так как не использована возможность введения единицы, характеризующейся сильной национально-культурной окраской, и, возможно, знакомой некоторым читателям в связи с тем, что правление Ивана Грозного представляет определенный интерес для широкого круга иностранных любителей истории и культуры.

'...The unknown author derided poor life the Cossacks led now in clear and scathing terms. He poked fun at the administration, the tsarist authorities, and the Cossacks themselves, who had hired themselves out as the *punitive troops* of the monarchy [3]'

Еще один яркий пример. Эмотивные высказывания всегда просодически маркированы: паузой, эмфатическим ударением на эмоциональных словах, падением или подъемом интонации, что иногда находит и графическое отражение. 'Nooo', she said. Такая графика заменяет эмоциональную просодему 'emotionally', 'emphatically'. Отсутствие в графическом варианте текста индикаторов просодии нередко препятствует смысловому восприятию эмотивного высказывания. В следующем примере эмотивное высказывание реализуется в форме просодического маркера, имеющего целью указать на вынужденную паузу, вызванную сильными чувствами.

«...Теперь Григорию уж нечего было скрывать. Его появление на квартире у Аксины объяснило Степану все. И Григорий пошел напро-

ЛОМ:

- А где же жена?

- *А ты ..., ее пришел проведать?* – тихо, но внятно спросил Степан и прикрыл глаза затрепетавшими ресницами.

- Ее, – со вздохом признался Григорий [1: 542]».

‘... Now Grigory had nothing to hide. His appearance at Aksinya’s lodgings had told Stepan everything. Grigory came straight to the point, ‘Where’s your wife?’

‘*So you ... came to see her?*’ Stepan asked quietly but distinctly and his eyelashes trembled slightly as he closed his eyes.

‘Yes,’ Grigory confessed [3: 532].

В данном случае возникновение эмотивной лакуны вызвано, по нашему мнению, невнимательностью по отношению к синтаксической конструкции предложения ИТ. Очевидно, что автор при помощи паузы в речи Степана (графически выраженной в виде многоточия) хотел показать, какие сильные эмоции, а также физическая реакция (перехватило дыхание, потемнело в глазах, резкая слабость), испытываются им при упоминании того факта, что Григорий пришел именно к Аксинье. На это также указывает ответ Григория в форме местоимения «ее», однако переводчик отдал предпочтение варианту ‘yes’, который никак не усиливает предыдущее высказывание.

Интересным для анализа возникновения лакуны представляется следующий пример. Ситуация разворачивается в момент, когда один из офицеров пытается задержать казака другой сотни, только что забравшего у местного жителя часы. Казак, несмотря на приказ офицера, скрывается с добычей, что вызывает веселое оживление у других казаков.

«Четвертая сотня прошла мимо него в дробной стукотени копыт, в скрипе седел. Казаки насмешливо косились на растерянного еврея, переговаривались:

- Наш брат жив не будет, чтоб не слямзить.

- К казаку всяка вещь прилипает.

- Пушай плохо не кладет [2: 243]».

Обратим внимание на вторую по счету реплику и сравним ее с такой же по счету в ТП. В тексте оригинала автором используется предложение, в котором интересующее нас слово, а именно «казак», выступает в роли дополнения. В ТП это слово выступает уже в роли подлежащего (т.е. главного члена предложения) вкупе с прилагательным *light-fingered* в роли сказуемого. *Light-fingered adj.*: 1. skillfull in using his fingers; 2. clever at stealing, e.g. as a pick-pocket; 1. having fingers that move easily and quickly, as in plaining an instrument; 2. having of habit steaking small

things [4]. Таким образом, первоначальный смысл предложения, имевший интенцию оправдать привычку казаков к воровству тем, что вещи сами собой к казакам прилипают, меняется на диаметрально противоположный. Подобные компенсации не создают эмоционального динамического эквивалента, так как ТП по интенсивности описания эмоциональной ситуации разительно отличаются от текста оригинала.

«The Fourth Squadron rode past amid a clatter of hooves and a creaking of saddles. The Cossacks glanced mockingly at the disconcerted Jew and passed remarks.

‘Our lot can’t live without nicking something.’

‘A Cossack’s light-fingered by nature.’

‘Shouldn’t leave their stuff lying about.’ [3: 319]

В ТП структура, воздействующая на читателя строго определенным образом, не только не сохраняется, но и меняется переводчиком на противоположную, что ведет к полному изменению эмотивной прагматики и неадекватному восприятию англоязычным читателем микроконтекста.

Результаты, полученные в процессе определения, описания и анализа переводческих решений, дают основания утверждать, что эмоция (эмотивный компонент единиц) в рассмотренных случаях ослабляется в 75%, нейтрализуется в 15% или усиливается в 10% случаев, что является, по нашему мнению, показателем неадекватного воспроизведения единиц оригинала в тексте перевода.

Библиографический список

1. Шолохов М.А. Тихий Дон. Т. 1, 2, 3, 4. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1993.
2. Толковый словарь русского языка; под ред. Д.Н. Ушакова, 2004. ИДДК, 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
3. Sholokhov M. And Quite Flows the Don. В. 1,2,3,4. М.: Raduga, 1974. P. 127.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М.: Азъ, 1994.
5. Толковый словарь живого великорусского языка. Даль В.И., 2002. – ИДДК Групп, 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
6. Советский энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1986. С.98.
7. Этимологический словарь русского языка. Происхождение слов русского языка и их толкование. М. Фасмер. Перевод с немецкого и дополнения академика О.Н.Трубачева. Составитель и научный редактор раздела «Статьи, воспоминания, биографии, библиография» – доктор филологических наук Г.А.Богатова, 2004.- ИДДК, 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
8. Collins English Dictionary. London and Glasgow, 1972.
9. The Concise Oxford Dictionary, 2005. Oxford University Press, 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
10. Longman Dictionary of Contemporary English. Longman Group Limited Harlow and London. Longman Group Ltd. 1978.